

ОЛЬГА ШАТАЛОВА

ТАЙНА
«ДАМЫ В САДУ»

FICTION

RED

Ольга Шаталова
Тайна «Дамы в саду»
Серия «RED. Fiction»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66829073
ISBN 978-5-04-162245-9

Аннотация

Чем можно заняться, пока сидишь в декрете с ребёнком? Вязанием? Чтением книг? Саморазвитием? Наташа Колосова – ведущий сотрудник Арт-галереи раскрывает настоящее преступление, попав в водоворот событий, начавшихся с того момента, как подруга передаёт ей на хранение копию известной картины...

Содержание

Пролог	4
Глава первая. Неожиданная просьба	9
Глава вторая. Мастерская	24
Глава третья. Разговор по душам	38
Глава четвёртая. Подготовка к онлайн-лекции	47
Глава пятая. На новом месте	56
Глава шестая. Таинственное исчезновение	65
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Ольга Шаталова

Тайна «Дамы в саду»

Пролог

– Вы только послушайте, что здесь пишут! И про меня, и про тебя, и про всех нас! – Клод Моне гневно отбросил газету, которую только что закончил читать. Газета издала обиженный звук, ударившись о ножку столика, за которым сидел Моне и другие художники, и упала на пол. Другие посетители кафе переглянулись между собой.

– Значит, сегодня мы не пойдём на пленэр? – спросил кто-то.

– Не пойдём? En plein air¹? Из-за этого? – Клод Моне громко расхохотался.

Он смеялся долго, сотрясаясь всем телом, словно давно не слышал такой отличной шутки. Скоро и остальные художники, будущие творцы-импрессионисты и постимпрессионисты, присоединились к его смеху.

– Да им только этого и надо! Этим лицемерам-академистам и этим пройдохам-журналистам. Остановят нас, значит, и остановят тех, кто будет после. Перестать писать или того хуже – снизить до их манеры письма значило бы поднять

---

¹ En plein air (франц.) – пленэр, дословно «на открытом воздухе».

белый флаг и помахать у них прямо перед носом.

– И что же ты тогда предлагаешь?

– Продолжать! Писать, выставляться, открывать новые выставки. Мне бы хотелось, чтобы наш пример стал известен каждому! У нас ещё всё впереди, но ведь и не только у нас...

– Мой друг, – с особым выражением произнёс Огюст Ренуар, – извини меня, но сейчас ты напоминаешь мне бойцового петуха, затевающего драку. Разумно ли это?

– Отнюдь, mon ami², – покачал головой Моне, – наступит тот самый момент, когда нужно довериться не разуму, а чувствам. Конечно, в чём-то ты прав... я не стану этого отрицать. Но имей в виду, что я затеваю драку со всем их курятником!

В ответ раздался хор голосов.

– Мне кажется, сейчас ты находишься под впечатлением...

– И что делать нам?

– В этом деле точно замешана женщина!

– А сейчас ты что-нибудь пишешь?

– О, эту картину вы обязательно скоро увидите, – последний вопрос не оставил Моне равнодушным. – И не только её...

Прошло более ста лет.

Это был отличный погожий день. Художники расположились так, чтобы каждому досталось место под солн-

---

² Mon ami (франц.) – мой друг.

цем. Вернее, удачное местоположение для написания картины. Или, как сказали бы фотографы, – удачный ракурс. Будь то целостный пейзаж или набросок для портрета. Приподнятое настроение всех собравшихся усиливала не только отличная погода, но и продуманно собранная и прихваченная с собой корзина для пикника. Здесь были закуски с ветчиной и листьями салата, аппетитные сочные фрукты и несколько бутылок вина.

Наступил полдень. Сверившись с наручными часами, художники стали собираться в обратный путь. Достаточно было простого кивка головы, чтобы поднять и решить любой вопрос, – такое сейчас между ними царило взаимопонимание и гармония. Обратный путь едва ли был длинен, и они вознамерились проделать его пешком. Идущий впереди держал во рту соломинку, а замыкавший насвистывал мотив приставучей песенки. А поскольку мелодия была действительно запоминающейся, то вскоре она заиграла на губах того, кто шёл перед ним. Итак – от человека к человеку она добралась и до самого первого из них. Первый тоже запел, да так, что это отозвалось в каждом его движении – повороте головы, новом шаге, движении рук. Такой он был человек, что ничего не умел делать наполовину – отдавался искусству целиком. В чём бы это искусство ни проявлялось. И сейчас, когда он дошёл до припева и хотел уже удачно взять особенно высокую ноту, он решительным движением распахнул вставшую на пути дверь и...

Нота прозвучала неожиданно фальшиво и испуганно замолкла, а художники столпились у открытой двери, отказываясь поверить своим глазам. Какие-то люди переставляли их вещи, трогали шкафы и тумбочки, встряхивали ковёр и переставляли предметы. Увидев художников, они заторопились к выходу. И в этот момент появился Том.

– Они забрали их! Ваши работы! Они забрали их! Они хотят сорвать наш эксперимент! Наш творческий марафон! Не дайте им уйти, а я пока сбегаяю наверх – попробую наладить связь и позвонить в полицию!..

Казалось, гармония исчезла. Полностью растворилась, как только все слова были произнесены вслух. Художники хотели заполучить свои полотна обратно, но люди, казалось, их не понимали. Возможно, они говорили на другом языке? Замыкавший хотел было что-то сказать, но тут Первый заметил пропажу своих счастливых часов. Для него это стало последней каплей, завязалась драка. И, когда она закончилась, выяснилось, что Том куда-то исчез... вместе с картинами и личными вещами художников. Они же находились в лесу. Без средств связи. И без своих картин. Люди, которых они приняли невесть за кого, оказались сотрудниками компании по уборке помещений...

– А-а-а-а! Мама! – в кроватке заплакал ребёнок.

Мама подошла к кроватке и взяла на руки маленькую девочку. Мысли о приключениях художников из разных эпох, как и другие обрывки сновидений, медленно покидали её со-

знание. Начинаясь новый день.

Глава первая.

Неожиданная просьба

Искусство – это самая серьёзная вещь на земле.

Художник – это самый несерьёзный человек.

(Оскар Уайльд³)

Мне казалось, что чего-то не хватает. Статья, написанная утром, не давала покоя. Конечно, нет предела совершенству, но всё же трудно быть перфекционистом, если сидишь в декрете с маленьким ребёнком. Получилось написать, и то хорошо. Приняли статью в печать – ещё лучше. Но дело в том, что невозможно избавиться от внутреннего критика. Особенно если дело касается искусствоведения. Это мой конёк. И работа, и любимое хобби. Раньше я работала в небольшом музее, но потом вышла замуж и переехала в другой район. Там я устроилась на место музейного куратора в частной арт-галерее, выставляющей преимущественно современное искусство. Сейчас для галереи пишу вступительную статью к каталогу новой выставки, пока Маша спит свой второй сон.

Я снова перечитала последний абзац. Вступительная статья – это как визитная карточка. А какой смысл в визитке,

---

³ Здесь и далее парадоксы Оскара Уайльда переданы в переводе Татьяны Александровны Боборикиной.

если опустить в ней такую важную информацию, как почта или мобильный телефон?

Стараюсь подавить зевок, перечитывая всё от и до. Нет, мне не скучно, просто сегодня опять не удалось выспаться. Хотя Маша засыпает на ночь преимущественно часов в десять, мне нужно ещё какое-то время, чтобы завершить все дела. В итоге ложусь в первом часу ночи. Мысли в голове путаются, глаза слипаются.

Перечитываю третий по счету абзац. Четвёртый. Ещё надо успеть забросить в стирку одежду, в которой Маша ходила гулять.

Убираю со лба светло-русую прядь волос. Шестой. Кажется, всё хорошо. Мысль не теряется. Орфографических и грамматических ошибок вроде бы нет. Конечно, текст ещё будет проверять редактор, но для меня проверить текст – это простая вежливость и самопроверка. Я, конечно, не из тех, для кого ошибка, особенно чужая, приравнивается к смертному приговору, но иногда, листая новостную ленту, меня коробит от ошибок с «тся» и «ться» в одном словосочетании или предложении. Я могу понять, если ошибка закралась в длинном тексте или пусть даже посте, но в одном предложении? Даже не в сложносочинённом, серьёзно?

Восьмой абзац. Волосы опять лезут в глаза. У Маши волосы, как у меня, – светлые и выющиеся. А глаза папины – серые, даже серо-голубые, в то время как у меня глаза золотисто-карие. Мне нравится, как это звучит: «золотисто-карие».

Золотистые...

Кажется, за своими мыслями пропустила один абзац. Надо будет потом его перечитать. Или начать всё с самого начала? Иногда я становлюсь слишком невнимательной.

Тема, входящая в мои научные интересы, помимо современного искусства, выставяющегося в арт-галерее, – это Англия XVI–XVII веков в портретах. Занимаюсь данной тематикой уже достаточно давно. В ней можно почерпнуть довольно интересные факты. Например, изображения глаз и ушей на королевских одеждах Елизаветы I. Эта символика читается чёрным по белому: монарх видит и слышит всё. Если знаешь эту деталь, не оставишь её без внимания. Другая по-настоящему моя тема – французские импрессионисты, в особенности те, что стояли у истоков, – Клод Моне и Пьер Огюст Ренуар. Сейчас бы написать что-нибудь по этим темам, но нельзя же оставить каталог без вступительной статьи.

Слышу неприятный звук. Это вибрирует телефон в беззвучном режиме. Стараюсь выключать звук, когда Маша спит. Хотя иногда по этой причине пропускаю звонки – просто забываю снова включить звук. Но или так, или ребёнок просыпается из-за обилия навязчивых и бесполезных рекламных звонков. Это выводит меня из себя. Уж лучше выключать звук.

– Алло, Тата?

– Привет, Лера, – ответила я подруге.

– Тут такое дело...

– Что случилось? – насторожилась я.

С Лерой нужно держать ухо востро, даже по телефону. Однажды я опрометчиво согласилась присмотреть за её домашним питомцем, в то время как она уезжала по делам. К счастью, до её отъезда успело выясниться, что это не домашнее животное, а собственность закрывшегося недавно зоопарка. Лера на время его закрытия приютила дику рысь, о чём забыла мне сообщить. Выяснив, что присматривать придётся не за комнатной собачкой или безобидной кошечкой, я пошла на попятную.

– Нас залили соседи...

– Сочувствую, это очень неприятно.

– Да, и я решила, что нам теперь нечего терять. Давно намечала ремонт, но всё переносила дату. Следующий месяц, понедельник, в новом году... ну, ты знаешь, как это бывает.

– Знаю.

– Вот я и хотела оставить на время ремонта у тебя одну вещь. Если ты не возражаешь, конечно.

– А что за вещь?

– Картину.

– Да без проблем, – обрадовалась я, до этого момента всё ожидая какого-то подвоха.

Лера действительно прекрасно рисует, а её работы часто отправляются на выставки. Конечно, ей бы не было приятно, если бы её шедевр пострадал в такой ситуации.

– Когда тебя ждать?

– А сколько сейчас времени?

– Полвторого.

– Тогда часам к двум, тебе будет удобно?

– Да, если ты придешь хотя бы до четырёх, – обозначила крайние границы я, зная, как Лера любит опаздывать. – В четыре у нас с Машей прогулка.

– Поняла. До скорой встречи.

– До встречи. Пока.

Теперь пора была заняться Машиной едой. Вернее, выбрать, что ей сегодня приготовить. Успею я за десять минут почистить овощи, сварить их с кусочком мяса, а затем измельчить в блендере? Или выбрать что-нибудь из её баночек? Я заглянула в комнату, где в своей постельке спала Маша. Она спала как ангел, на спине, раскинув по подушке золотистые кудряшки. Я присмотрелась внимательнее к этой идиллической картине. Маша пошевелила ручкой. Верный знак, что она скоро проснётся. Решено: значит, баночки.

В самый разгар обеда раздался звонок в домофон, оповещающая о Лерином приходе. Признаться, за всеми делами я совсем про неё забыла. С Машей на руках я подскочила к домофону. Так и есть. Лерина физиономия была отчётливо видна на экране видеодомофона.

– Тата, открывай!

– Открыла!

Перенеся Машуню на минуточку в манеж под её недо-

вольные «мамам», я побежала открывать. С одной стороны, хотелось поскорее продолжить операцию «Обед», а с другой – было любопытно увидеть картину, не говоря уже о самой Лере.

Через некоторое время в дверь позвонили. По времени, прошедшему между звонками в домофон и в дверь, можно было предположить, что Лера, в своём репертуаре, предпочла лестницу лифту. Даже с ношей в руках. Видимо, картина была не такая большая и можно было подняться с ней по лестнице.

– Минуточку!

– Привет, Тата!

Действительно, в руках Лера держала средних размеров картину, замотанную в плотную бумагу, не дававшую возможность рассмотреть полотно более тщательно.

Пришлось перевести внимание на Леру. На ней был длинный синий пиджак, надетый поверх её любимого платья в стиле кантри.

– Привет, Лера! Хорошо выглядишь. А не холодно ли ты оделась?

– Не твоя забота, мамочка. Ты тоже выглядишь классно. Была в парикмахерской, да?

Мне стало смешно. Последний раз я была в парикмахерской полгода назад, чтобы просто подровнять концы. Отросшие корни говорили сами за себя. Но я не видела причины не согласиться.

– Как ты угадала? Покажешь картину?

– Нужно занести её в комнату.

Из манежа раздался призывный вопль.

– Знаешь, мы сейчас обедаем. Может, составишь нам компанию? А картину можешь пока оставить вот здесь.

– Я бы рада, но мне пора бежать. Машуне привет. Распакуешь тогда картину сама, это, кстати, кажется, твоя любимая.

Вот хитрюга! Мало мне забот. Ещё её картину распаковывать. Интересно, что это за картина, раз Лера без ложной скромности говорит, что это моя любимая?

– А не хочешь чаю тогда? Или кофе?

– Ну, ладно, уговорила.

– Тогда вот тебе тапки. Руки знаешь, где помыть. А меня, как слышишь, уже ждут.

Последние слова относились к призывному Машиному рёву из манежа. Ясно, это было последнее китайское предупреждение.

Подхватив дочку на руки и поцеловав в знак извинения, я вернусь на кухню. Через некоторое время там показалась и Лера.

– Знаешь, этот дедок, конечно, совсем того, – сказала Лера, наливая в приготовленную чашку заварной чай – зелёный с жасмином.

– Какой дедок? – не поняла я, поднося ко рту Маши её любимое пюре из брокколи.

– Ну, тот, что картину мне эту отдал на хранение.

– В смысле?

Ложка с брокколи замерла у Машиного рта. Я была удивлена до глубины души. Надо же, Лера опять меня подловила! Интересно, в какую историю она попала на этот раз?

– Ну, помнишь? Художник, очень похож на стеклянного человека из «Аmeli», ну просто вылитый. Я о нём тебе уже рассказывала. Ты тогда ещё с арбузом бегала, – при этих словах Лера очертила в воздухе огромный круг, который должен был изображать мой живот, или арбуз, по её меткому выражению.

– А-а-а, что-то припоминаю. Но смутно.

– Так вот, – не обратив на мои слова никакого внимания, продолжила Лера, – он по каким-то делам должен был уехать.

– На сколько? – решила уточнить я на случай, если Лерин ремонт затянется.

– Да какие-то пустяки. Год или два, – ответила Лера, поправляя причёску – длинное каре с чёлкой. Когда мы виделись в прошлый раз, у неё были светлые волосы. Сейчас они тёмно-каштановые, а концы светлые. Видимо, остались от прошлого окрашивания.

– Надеюсь, твой ремонт продлится не так долго... – с налёком начала я, но Лера меня опять перебила.

– Ну, я и согласилась. Художник он хороший, правда, картину он мне так и не показал, я сама потом сунула нос. И

была несколько разочарована.

– Оказался не такой хороший художник? – съязвила я.

– Да нет, просто это обычная копия. Клода Моне, кстати. А название запомнила. Но это точно одна из твоих любимых его работ.

– А что было потом?

– А потом нас залили, ну, ты знаешь. В нашем доме живёт какой-то миллиардер, вообще чокнутый. Отдельный лифт себе выстроил, чтобы не пересекаться с соседями, видимо. А в прошлом месяце бассейн. Только что-то с бассейном пошло не так. Нас и ещё пару этажей затопило.

– Надеюсь, ты получишь какую-нибудь компенсацию.

– Да куда там... – Лера махнула рукой.

– И неправильно, нельзя, чтобы таким типам всё с рук сходило.

– Да ты бы его видела, – тяжело вздохнула Лера.

Тем временем баночка с брокколи заметно опустела. Я посадила Машу обратно в манеж, снабдив её любимыми игрушками, и принялась подбирать салфетки и прочие предметы, выброшенные за борт во время обеда.

– Ну, что, развернём картину? – через некоторое время спросила я, уже начиная разворачивать бумагу. – Да это же «Дама в саду»! Моя любимая картина!

– Вот, а я что говорила? – довольно сказала Лера, возникая рядом. – Ну, всё, теперь мне точно пора, пока, Тата! Пока, Машуня! А, подожди, хочешь искусствоведческий анек-

дот?

– От тебя? Даже не знаю...

– Приходит Микеланджело к папе Юлию II и такой: «Зд-расьте», а тот ему: «Потолок покрасьте».

– Я слышала этот анекдот. Раз десять. От тебя.

– Ну, так смешно же!

Проводив Леру, я тщательно осмотрела работу. Качественная копия, даже очень. Я снова закрыла её бумагой, потом для сохранности нашла коробку подходящего размера, видимо, из-под большой рамки или другой картины, и положила «Даму в саду» туда. После чего я убрала коробку в тёмную комнату и стала готовиться к нашей с Машей прогулке. Годы, проведенные в музее, напоминали не забывать про режим хранения предметов художественного искусства, но, к сожалению, дома места, более подходящего для их хранения, чем кладовка, не было.

Было приятно выйти на улицу после почти целого дня, проведенного дома. Первая утренняя прогулка была прервана дождём, погуляли мы тогда всего пятнадцать минут. На вторую прогулку у меня были большие надежды.

Первые двадцать минут Маша играла в игру «сними с головы шапку, которую мама только что надела». Потом она ходила, как маленький пингвинчик, а я следила, чтобы она не упала. Затем Маша перекусила кашкой в упаковке, как для сока, и долго следила, как я пускаю для неё мыльные пузыри. И наконец Маша уснула с шапкой в руках, а я, поискав

взглядом скамейку, удобно устроилась на время тайм-аута.

Пока Машуня спала, я перебирала в голове известные мне факты из биографии Клода Моне.

Итак, он родился в 1840 году в Париже. В зажиточной семье. Отец работал бакалейщиком и грезил, что сын продолжит его дело. В 1845-м семья Клода переезжает на побережье Нормандии, в город Гавр. Там и проходит детство художника. В школе Клод Моне не отличался хорошей успеваемостью. Из всех предметов он признавал только рисование. Зато с ранних лет успел прослыть хорошим карикатуристом и даже начать зарабатывать на этом себе на карманные расходы.

Податливое воображение охотно нарисовало следующую картину. Худой, словно жердь, учитель обращается к классу:

– Кто пойдет к доске? Моне. Клод!

– Простите, учитель, но его нет.

– Опять сбежал к морю?

– Он просил передать вам это, – отвечает ещё кто-то из класса со смехом.

Надев пенсне на нос, учитель вертит в руках лист, затем с гневом комкает и бросает на пол бумагу со своей карикатурой.

– А ведь правда похож, – шёпотом отмечает кто-то из класса.

Клод не любил школу, поэтому пропускал занятия. Зато благодаря своим карикатурам он вскоре стал местной знаме-

нитостью. Отец не был в восторге от сына-художника. Как и многие отцы, он надеялся, что сын продолжит его дело. Но в семье Моне нашёлся человек, не только разделявший его страсть к живописи, но и готовый частично спонсировать его.

– А меня нарисуешь?

– Вы шутите, мадам.

– Нет, вполне серьёзно. Я – только дилетантка, поэтому знаю, как важно настоящее обучение живописи. И сколько оно стоит.

– Тётя, теперь вы точно шутите.

Благодаря тёте Клод Моне изучает живопись. Студенческие годы, затем военная служба. После всего этого Моне возвращается в Париж, чтобы стать учеником Шарля Глейра. В студии художника Ш. Глейра он знакомится со своими друзьями, будущими художниками-импрессионистами – Огюстом Ренуаром и Фредериком Базилем.

– Я же говорю, здесь мы ничему не научимся. Глейр *médiocre*⁴.

– Мой дорогой Клод, я, конечно, не против того, чтобы мы незамедлительно покинули студию. Но хотелось бы знать, для чего.

– Для будущего, *mon ami* Огюст, для нашего будущего.

Вскоре ученики Глейра покидают студию, возглавляемые Моне. На этот момент Клод уже был знаком с Эженом Буде-

---

⁴ *médiocre* (франц.) – посредственность.

ном и Камилем Писсарро. Летом 2018 года в Мадриде проходила выставка, посвящённая Моне и Будену. Интересно, как один черпал вдохновение в работах другого. Именно Буден вдохновил Моне выбраться из студии, чтобы рисовать на пленэре. Рисование на природе не пользовалось популярностью в то время.

– Мадемуазель, ваш портрет в зелёном украсит новую выставку.

– Месье, кажется, со мной ещё никто не пытался познакомиться таким образом.

– Это значит, мадемуазель, что вы просто ещё не встречали достойных художников.

В это самое время Клод встретил модель большинства его работ. Мы часто не можем рассмотреть её лица, лишь – впечатление от её хрупкой фигуры на фоне ярких зелёных, жёлтых, красных мазков кисти, превращающихся в солнечный пейзаж. Камилла... Биографы описывают период, когда Моне был вынужден покинуть свою беременную возлюбленную (ещё даже не жену), чтобы на время вернуться к отцу, не признававшему этот союз, как трудный период в жизни художника. Но мне больше жаль покинутую и одинокую Камиллу. Возможно, в этот момент во мне больше говорит женщина, чем специалист...

Маша пошевелилась в коляске. Я поправила сползшую ей на глаза шапочку. Сколько, интересно, она ещё проспит? И сколько времени у меня ещё есть, чтобы пофантазировать?

Конечно, сцены, подсказанные фантазией, не были правдой. Но они всё же основывались на фактах, касающихся жизни Клода Моне. А чем больше фактов мы знаем, тем лучше можем представить, что было на самом деле. Это как пазл. Чем больше деталей находится на своём месте, тем более правдоподобно можно вообразить целую картинку.

Тем временем я достала телефон, чтобы посмотреть время, и, конечно, заглянула и в социальные сети. Зацепило фото из Instagram одной знакомой, вернее, даже не сама фотография, а подпись к ней. Расплывчатый, хотя и яркий природный фон, а вдалеке одинокая фигура были сопровождаемы текстом: «Как будто сошла с картины Ренуара». М-да. При чём здесь Ренуар? Я, конечно, зануда, но Огюст рисовал портреты, а не пейзажи. А если добавлять пафоса, то тогда уж отсылкой к Моне. Что-то Instagram меня сегодня разочаровывает...

Задумавшись, я посмотрела вниз – на свои ботинки. Ни дать ни взять – ботинки с картины Винсента Ван Гога, написанные им в Париже. Надо сфотографировать для сторис в Instagram, а рядом поместить картину и подписать: «Найдите пять отличий». Конечно, с моей обувью всё обстоит не так плохо, как с ботинками великого художника. Просто я очень активно использую эти вездеходы при прогулках с Машей в любую погоду. Кстати о погоде...

Я взглянула на небо и увидела, что там начали сгущаться тучи. Кажется, пора возвращаться домой. Повезло, что Ма-

ша всё это время спала. Я с пользой провела эти полтора часа. Сидела на свежем воздухе – это раз, восстанавливала силы – два и просто отдыхала – три.

После прогулки мы с Машей колдовали над ужином. Маша – преимущественно из манежа. Ждали с работы нашего папу. Муж ещё с порога оценил наши старания.

– Наташа, что это так вкусно пахнет?

Но ответить я не успела, так как зазвонил мой мобильный. Думая, что это насчёт статьи, я «отошла на минуточку». Но это звонили не с работы. В трубке раздался взволнованный голос Леры.

– Тата, у меня взломали квартиру. Кто-то проник, пока меня не было дома. Устроил бардак, но так ничего и не взял.

– Лера, ты уверена, что ничего не взяли? – спросила я серьёзно.

– Да, но я даже предположить не могу, что у меня им было нужно. Не взяли ничего ценного.

Глава вторая. Мастерская

Утром следующего дня мы с Машей постарались выйти на прогулку как можно раньше. Во второй половине дня обещали дождь, а это значило, что Маше нужно было скорее начинать отрабатывать свои часы на свежем воздухе, а мне – пройденные шаги. Кроме того, после часа дня обещали сильный ветер – свыше 14 м/с. А прогулка в такую погоду точно не входила в наши планы, поэтому уже без пятнадцати одиннадцать мы вышли из дома.

Вначале Маша по своему обыкновению сильно протестовала против помещения себя в коляску и недовольно смотрела на меня, стараясь поочерёдно снять ботинки, носки и шапку. Но не успели мы дойти до нашего любимого парка, как она, блаженно зевнув, провалилась в приятную дрему.

Я присела на ближайшую скамейку, подставляя лицо капризному осеннему солнцу. Мне было о чём подумать. Связана ли картина со вчерашним происшествием в Лериной квартире? Возможно, да. По крайней мере, в этом был убеждён мой муж. В связи с этим он настаивал на разговоре с Лерой о немедленном возврате ей картины. Я не была настроена так же решительно и попробовала объяснить, что у Леры аврал: вскрыли квартиру, заливают сосед сверху, да к тому же ещё и начат ремонт. Муж на это парировал, что ремонт ремонтом, а у нас – Машенька. В итоге мы сошлись на том,

что я пообещала серьёзно поговорить с подругой. Но как с Лерой можно говорить серьёзно?

Сама я сильно сомневалась даже в самом факте взлома квартиры. Лера даёт ключи от квартиры кому попало. Не удивлюсь, если выяснится, что это дело рук кого-нибудь из её знакомых. Хотя... даже неясно, что именно было этим «делом». У Леры обычно такой беспорядок...

Да и действительно, кому могла понадобиться картина? Это же копия, не оригинал. Хотя, как говорят, доверяй, но проверяй. У меня дома нет оборудования, чтобы это проверить. Но на первый неискушённый взгляд – это всё же копия. Качественная копия, созданная лет пять-семь назад. Не сто лет назад. А картина Моне, конечно, старше ста лет. Однако сам художник, сделавший копию, похоже, считал работу архиважной. Почему?

Думаю, стоит почитать поподробнее про эту картину. Хорошо, что я прихватила с собой несколько книг и свои ещё студенческие конспекты по импрессионизму. Пока Маша спит, попробую немного разобраться в этой ситуации, а заодно освежить память. Кстати, неплохо было бы и самой освежиться – выпить воды с газом. Достāju всё необходимое из сумки, прикреплённой к ручке коляски, чтобы не таскать всю эту тяжесть на себе. Заодно проверяю время. Без пятнадцати час. Ого, мы уже гуляем целый час. А пропущенных звонков нет? Нет. Я вздыхаю и уже второй или третий раз за этот час набираю телефон Леры.

Ну конечно! Её телефон вне зоны действия сети. С Лерой это часто случается. И как всегда, не вовремя. Я знаю наверняка, что она просто забыла его зарядить. Но всё равно немного начинаю за неё беспокоиться. И с каждым пропущенным звонком мне всё меньше и меньше хочется, чтобы картина оставалась у нас дома. С другой стороны, как не попробовать разобраться во всём самой?

Пока мы гуляли в парке, у меня окончательно и бесповоротно созрел план. Когда Маша проснулась, мы уже были на полпути в реставрационную мастерскую, где реставратором работала моя подруга Рената. На всякий случай я кинула Ренате эсэмэску, что мы с Машей хотели бы к ней заглянуть, получить справку по поводу одной картины. Рената сразу ответила, что будет рада с нами повидаться. Всё складывалось удачно. И я со спящей Машей даже успела заглянуть домой, чтобы прихватить картину.

Небольшая заминка возникла лишь по дороге в мастерскую. Машина коляска не из маленьких и не из самых лёгких, а нам нужно было свернуть с широкой основной дороги на маленькую узкую дорожку и преодолеть небольшую горку. Это требовало некоторых усилий с моей стороны. Я старалась действовать постепенно. Тише едешь, дальше будешь. За это время несколько прохожих успели нас обогнать. Что ж, я ничего не имела против обгона.

«Ну, кажется, всё. Теперь можно прибавить шагу», – подумала я, когда подъём закончился, и взглянула на часы. И

хотя о точном времени мы с Ренатой не договаривались, что-то заставило меня поторопиться. И я свернула на более широкую тропинку, огибающую череду парадных, казалось, построенных из того самого кирпича, по которому Элли шла в Изумрудный город. Однако стоило мне подумать о времени, как пожилая женщина, идущая впереди меня, встала как вкопанная, преградив нам дорогу.

За секунду до этого прозвучал сигнал домофона, оповестивший о выходе кого-то из парадной, и теперь женщина с любопытством изучала выходящих из дома людей. Прямо посреди дороги. Как же это некстати! Решив, что если постараюсь, то смогу обойти её справа, я решительно сделала шаг в сторону и... чуть не столкнулась с велосипедистом, появившимся, казалось бы, из ниоткуда.

«В следующий раз надо будет пойти другим путём, – мелькнуло в голове, пока я прислушивалась к бьющемуся сердцу. – Хорошо, что не сделала на шаг больше!»

Тем временем велосипед синего цвета растаял вдали. А я, немного отдышавшись, продолжила движение в сторону мастерской, где нас ожидала Рената.

– Привет-привет, девчонки! – обрадовалась нам Рената. – Хотите чаю? Машенька, ты такая большая уже!

Мастерская подружки казалась мне чуть ли не самым уютным местом на земле (после дома, разумеется). И очень интересным. Здесь было много вычурной антикварной мебели, которую нужно было подлатать, а возможно, и подарить

новую жизнь. Мебель – это страсть Ренаты. Она даже сама сделала себе стол из сломанного гарнитура и выложила на нём очень красивый мозаичный узор. Рисунок получился настолько сложный, что не сразу обратишь внимание на скрытые ящики и тайники в столе. И как раз на нём всегда находится место для небольшого заварного чайничка, вкуснейшего и разнообразного печенья и, конечно, одной или двух лишних чашек чая на случай внезапных гостей. В другой части мастерской находятся картины. И они всегда тщательно спрятаны от влаги, света и посторонних глаз. Но иногда у подруги можно увидеть и предметы из других материалов. Сегодня мой взгляд первым делом выхватил фарфоровые часы, украшенные фигурками влюблённых пастуха и пастушки, а также двух кудрявых овечек.

– Привет, ты не обидишься, если чай мы попьём как-нибудь в другой раз, а сейчас только оставим вот эту картину? – сразу приступила к делу я. – Нам обедать просто пора. У Маши режим.

– Какую картину? – заинтересованно спросила Рената.

– Вот эту. Копию «Дамы в саду» Клода Моне.

– А что именно тебя смущает в ней? – спросила подруга, беря картину обеими руками в защитных перчатках. Я заметила, что длинные волосы она убрала наверх и за счёт этого казалась намного выше меня. Хотя мы практически одного роста.

– Смущает – пожалуй, не совсем то слово. Не совсем ясно,

а ты... не можешь её проверить? Посмотреть слои...

– Хочешь, чтобы я проверила, нет ли под слоем десятилетней краски картины XIX или даже XVII века?

– Именно этого я и хочу.

– А как срочно тебе это нужно?

– Я бы заскочила к тебе сегодня вечером с тортом...

– К вечеру? – удивилась подруга.

– Постараюсь достать твой любимый «Северный мёд»... – извиняющимся тоном добавила я.

– Умеешь ты меня уговорить, ладно. Так и быть, отложу свои дела.

– Спасибо тебе большое!

– Не за что. Тогда до вечера.

– До вечера! Машенька, скажи тёте Ренате пока и помаши ручкой.

Маша осторожно помахала рукой. А я с облегчением передала картину Ренате. Подруга – мастер своего дела. Хорошо, что её реставрационная студия-мастерская находится недалеко от нашего дома. Думаю, к вечеру что-нибудь да должно выясниться.

Придя домой, я сразу бросила в кипящую воду немного мяса и заранее порезанные овощи. Потом вытащила из коляски недовольную ожиданием Машу и понесла её умыться и переодеться. Заинтересовав Машу книжкой с большими картинками и звуковыми эффектами «Как говорят животные», я посадила её в манеж, а сама отправилась на кух-

ню – измельчать овощи. Следующие пару часов были заняты исключительно Машей. Только в четыре часа у меня появилось время, чтобы наконец продолжить поиск информации по картине Моне.

Закончив поиск, я сопоставила факты, которые удалось узнать. Итак, что мне удалось выяснить, вспомнить и прочитывать об этой картине:

Во-первых, полное наименование картины «Дама в саду Сент-Адресс» – по названию места, где она была написана в 1867 году. В Сент-Адрессе находилось имение семейства Лекард – родственников Моне. На картине была запечатлена не Камилла, как я раньше ошибочно считала, а Жанна Лекард – жена кузена Клода Моне.

Во-вторых, эта картина успела попутешествовать. Она участвовала в четвёртой выставке импрессионистов. Затем долгое время находилась в собственности семьи Лекард, дальше волею судьбы попала в галерею небезызвестного Дюран-Рюэля – организатора первых выставок импрессионистов, где её на закате XIX века покупает русский купец и знаменитый коллекционер П.И. Щукин. В 1912 году он продаёт картину брату – С.И. Щукину. Далее революция и национализация, всё принадлежит народу. Картина становится музейным экспонатом.

В-третьих, нельзя обойти стороной материал и размеры картины. Материалы, соответственно говоря, это холст и масло. Размеры оригинала 82 на 101 см. Он сейчас экспони-

руется в Государственном Эрмитаже. На постоянной выставке, посвящённой русским коллекционерам – И.А. Морозову и братьям Щукиным.

И наконец, в-четвёртых, во время рентгеноскопических исследований холста была выявлена фигура мужчины, расположенная немного правее дамы. Наверное, видение художником картины, как это часто бывает, изменилось в процессе работы. Именно этот факт днём и подсказал мне идею обратиться за помощью к Ренате.

Перечислив про себя наиболее интересные факты, я немного успокоилась. Маша ходила за мной по пятам. Иногда, чтобы отдохнуть, она пыталась схватиться за меня или опиралась на диван. С каждым шагом Маша становилась всё увереннее, на неё было приятно смотреть. Я залюбовалась ей. В этот момент раздался звонок. К моему приятному удивлению, это была Рената. Неужели ей уже удалось что-то выяснить?

– Алло, Рената?

– Наташа, привет! В общем, можешь забирать свою картину.

– Здорово! Сейчас примчусь. Тебе удалось что-нибудь найти?

– К сожалению, нет. Прости. Чуда не произошло.

– Ничего страшного! Тортик с собой всё равно захвачу! До встречи!

– Спасибо, но ты знаешь, это необязательно. До встречи!

– Обязательно! Пока!

Я была страшно разочарована. Надеюсь, Рената по голосу этого не заметила. Но, как говорится, отсутствие новостей – это тоже хорошие новости. Теперь осталось только забрать картину. Сейчас с работы как раз должен вернуться Серёжа. Попрошу его посидеть с Машей, пока я сбегая в реставрационную мастерскую.

Ждать пришлось недолго, и потому я успела одеться и выйти из дома, пока на улице ещё не успело стемнеть. Любимая кондитерская, казалось, ждала именно меня. Внутри никого – за исключением девушек-продавиц. Они слушали радио и болтали, а увидев меня, сразу приветливо заулыбались – наша семья частый гость в этом магазине.

– ...Около двадцати полотен так до сих пор и не найдено, – объявили по радио, – музейные работники называют это кражей века.

«Да, грустно, – подумала я, – а потом опять эти шедевры чудесным образом найдутся на помойке или окажутся подкинутыми чьей-то дрожащей рукой. На что только не способны люди! И главное – ради чего?»

– Добрый вечер, – обратилась я к девушкам, решив поразмыслить о «краже века» в другой раз. – А «Северный мёд» ещё остался?

– Добрый вечер. Вам повезло, это последний.

– А он свежий?

– Сегодня привезли.

– Тогда я возьму.

– Вам с собой?

– Да, боюсь, сразу весь торт я не съем, – улыбнулась я, – я сегодня не в форме...

– Что-нибудь ещё? Из новинок у нас золотые круассаны, чизкейк с малиной и голубикой и...

– Спасибо, больше ничего не надо.

– Оплата наличными или по карте?

– По карте.

Пока шла из кондитерской, вспомнила историю, которая всегда мне вспоминается при упоминании круассанов.

Дело было в школе, в старших классах. К нам тогда переехала новенькая, совершенно помешанная на йоге. На самом деле, я не против физической активности. Но она постоянно всех донимала, даже настаивала, чтобы мы ходили на занятия по йоге и фитнесу! И ещё спрашивала у всех подряд: «Какая у вас любимая позиция в йоге?»

Когда новенькая спросила у Леры, последняя сделала такое лицо, что мне пришлось подавить смехок. Чуть помедлив, Лера ответила.

– Моя любимая поза из йоги, это поза Куру-Асс-Ана.

Новенькая нахмурилась, пытаясь вспомнить такую позу.

– Что-то не припомню, ты не могла бы мне показать?

– С радостью, – ответила Лера и изобразила, как она обычно сворачивается калачиком перед сном.

Этого я уже стерпеть не смогла и разразилась смехом,

вскоре ко мне присоединилась и Лера, ненадолго сохранившая серьёзное выражение лица. Новенькая переводила взгляд с меня на Леру, затем покрутила пальцем у виска и отправилась на поиски новых «жертв». С тех пор мы с Лерой называем круассаны Куру-Асс-Анами и всегда смеёмся, вспоминая эту историю.

У Ренаты я пробыла с полчаса. Она сильно извинялась, что не смогла выявить ничего интересного. Но как это было бы возможно, если ничего такого в картине и не было?

– Понимаешь, – сказала Рената извиняющимся голосом, что было на неё не похоже, – это всё не стопроцентная информация. Казалось бы, моя ультрафиолетовая лампа может помочь заметить слои красочного слоя, наложенные позже или раньше, чем основной слой краски, но современные технологии не стоят на месте. Им постоянно нужно двигаться вперёд. Да что там технологии... на сегодняшний день существует лак, который не пропускает ультрафиолетовые лучи. Я же стараюсь высветить участки, а если он не пропускает...

– Не волнуйся, правда. Это не очень важно. Ты мне и так помогла, – пыталась заверить её я.

Перед уходом я решила рассказать что-нибудь, чтобы разрядить обстановку. Как назло, в голову лезли только мысли о Лере, которая так и не перезвонила за весь день, и о картине.

– Хочешь, посмешу тебя?

– Давай, – с готовностью согласилась Рената.

– Так вот. Открываю я вчера Instagram, а там... – я ре-

шила потянуть время в надежде вспомнить что-нибудь интересное, – а там, в общем, одна девушка своё фото на природе сравнила с картиной Ренуара! А ведь он – портретист! Представляешь?!

– А ведь точно! – неожиданно воскликнула Рената.

Такой реакции от весьма безобидной истории я точно не ожидала.

– У твоей картины неверная подпись! Я обнаружила это уже после того, как тебе позвонила.

Рената быстро развернула картину и указала мне на подпись с оборотной стороны.

Там было написано «Огюст Ренуар “Дама в саду”». Огюст! Ренуар! А не Клод! Не Моне! Не мог художник, выполнявший работу, ни с того ни с сего перепутать имена двух великих художников.

– Это действительно может быть очень важная зацепка! Спасибо! – радостно заверила я подругу.

– Была рада помочь!

Возвращаясь от Ренаты, я уже не была настроена так оптимистично. Может, художник таким странным образом хотел над кем-то подшутить? Над кем-то из друзей. Или над Лерой. Кстати...

Я в очередной раз набрала номер подруги. В трубке слышались гудки ожидания. Ну, наконец-то!

– Алло, Лера?

– Привет! Ты меня искала?

– Не то слово. Я хотела тебя попросить...
– Забрать картину?
– Да.
– Я сама хотела это предложить.
– Ты шутишь?
– Нет, просто знакомый, которому я пристроила вторую картину, выразил сожаление, что не увидит первую. Говорит, он фанат того дедка-художника. Особенно если это касается копий.

– Ничего себе! Вот так совпадение!
– Я тоже удивилась!
– Кстати, я была сейчас у Ренаты. Помнишь её?
– Как же не помнить!
– Знаешь, она теперь реставратором работает!
– Да ну! А ты не врешь?
– С чего бы это? Кстати, а что за картина? Я про вторую, которая уже у коллекционера.

– Что?
– Я говорю, как называется вторая картина?
– Что? Ты пропадаешь. Ничего не слышно.
– Как называется...
– Извини, батарея садится, я завтра к тебе...

Звонок завершился. Видимо, Лера так и не успела зарядить телефон полностью.

С этой мыслью я подошла к своему подъезду и открыла входную дверь. Внутри мигала одна-единственная лампочка.

ка, тускло освещаая стены, покрытые свежей краской, и доску для объявлений. Когда я вошла внутрь и уже прошла к лифту, мне вдруг захотелось инстинктивно обернуться. Должно быть, из-за того, что я не услышала, как захлопывается входная дверь.

Я обернулась и увидела в дверном проёме тёмный силуэт.

Глава третья. Разговор по душам

Я нервно нажала на кнопку вызова лифта два раза подряд. Старалась снова не оборачиваться, чтобы не выдать страх. После разговора с Лерой мне стало как-то не по себе. На каждом шагу мерещились опасности. В ушах застучало.

Лифт, как назло, застрял на десятом этаже. Мозг тем временем вспоминал всё самое страшное, что только мог припомнить. Новости. Фильмы ужасов. И цены на гречку...

– Говорят, на днях отключат горячую воду. Добрый вечер.

Я обернулась и увидела соседа, живущего этажом ниже. Кажется, у меня паранойя. Нужно вдохнуть и выдохнуть.

– Фух, не узнала вас. Добрый вечер. Богатым будете, – сказала я.

– Было бы неплохо, – засмеялся сосед.

В этот момент наконец пришёл долгожданный лифт.

– Для моего хобби лишние деньги быгодились... – задумчиво проговорил сосед, пропуская меня вперёд.

– Конечно, деньги всем нужны. А что у вас за хобби?

– Коллекционирую...

Слова соседа потонули в гуле будильника, установленного на телефоне. Интересно, зачем я его поставила? И почему он такой громкий?

А, точно! Маше же должны прийти делать массаж через... пятнадцать минут! Нужно ещё успеть всё подготовить.

Стол застелить, отвлекающие игрушки достать... музыкальные желательны. Как хорошо, что я ещё не задержалась у Ренаты!

«И что он на меня так уставился? – подумала я, перехватив взгляд соседа. – Разве я должна ещё что-то ответить? Точно, я же сама завела этот разговор. О чём же шла речь? Хобби, кажется, да...»

– Очень интересное хобби, – тактично прокомментировала я и добавила: – всего хорошего, – увидев, что лифт остановился на пятом этаже.

– Всего хорошего, – словно эхо отозвался сосед, покидая лифт. Он повернулся спиной, и я в очередной раз заметила крупные хлопья перхоти на его голове. Ещё ни разу не видела его без них. И причём всегда на одном и том же месте – чуть пониже затылка.

«Он думает, что король, – пронеслась в голове ироничная мысль, – но, увы, из свиты только перхоть».

Остаток дня пролетел незаметно. Я осознала, что день закончился, только когда Маша после долгих уговоров и колыбельных засопела у себя в кроватке. Интересно, что во всех советах по укладыванию детей, написаны ли они в книгах или интернете, приблизительно одно и то же. Соблюдайте режим дня, не допускайте перевозбуждения и используйте определённые ритуалы, вырабатывающие ассоциации со сном. Звучит вполне разумно. Но иногда сложно это объяснить ребёнку, который вопреки всему спать не хочет.

Я вышла из комнаты, тихонько притворив за собой дверь, чтобы свет из коридора не проник туда, и прошла на кухню.

– Будешь кофе? – спросил муж, увидев меня. Когда я вошла, он уплетал горячий бутерброд с сыром, помидором и майонезом.

– Маша уснула, – с гордостью оповестила я.

– Тогда чай?

– Не откажусь, спасибо.

С видом шеф-повара муж разложил пакетики по чашкам, в мою – зелёный, в свою – чёрный и залил кипятком.

Это хорошо, а то в последнее время, когда прошу налить чай, мне постоянно достаётся одно из двух – или чашка кипятка без пакетика, или чайный пакетик без кипятка. Но я не обижаюсь, знаю, что он устаёт на работе. А воду вообще полезно пить. Пусть и горячую.

– Серёжа, я хотела тебя спросить.

– Да? – произнёс муж, невозмутимо насыпая сахар в свой чай.

– Что ты думаешь о нашем соседе снизу?

– О белобрысом? Который ещё девушек постоянно меняет?

– Да, о нём.

– Ничего я о нём особо не думаю. Обычный тип. Ну, немного странный он, конечно.

– Поняла. Ничего необычного. Обычный странный тип, водится в обычном странном подъезде.

– Вроде того. А почему ты про него спросила?

– Да не знаю. К слову как-то пришлось. В лифте сегодня с ним ехала. – Увидев, что муж немного насторожился, я добавила: – Думала, может, с Лерой его познакомить?

– А, ясно. Не советую. Я пойду спать. А ты снова будешь полуголодничать?

– Не знаю, как пойдёт.

– Ну, смотри. Тебе завтра с Машей сидеть.

– Зато завтра пятница.

Пятница. Какое волшебное слово. Значит, не особенно срочные дела могут подождать до понедельника. А в выходные Сергей дома. За Машей поможет присмотреть...

Мысли стали замедляться. Клонило в сон, но я решила всё же «насмотреть» материал по картинам для будущих лекций в арт-галерее.

Конспект, компьютер и кофе – не лучшие друзья сновидений. Как и мысли о делах. Через полчаса сна как не бывало. А ещё через полчаса, когда материал к лекциям был готов, я поняла, что заснуть прямо сейчас у меня просто не получится.

Я просмотрела ленту в соцсетях, катастрофически занимающую всё свободное время, но затем усилием воли всё же заставила себя пойти лечь спать.

Уже лёжа в кровати, я мысленно перебираю имена импрессионистов и постимпрессионистов. Я иногда так делаю, чтобы быстрее уснуть. Повторяю про себя имена художни-

ков.

Клод Моне.

Пьер Огюст Ренуар.

Жан Фредерик Базиль.

Берта Моризо.

Пауза. Закрываю глаза. Пробую уснуть, но не выходит.

Эдгар Дега.

Эдуард Мане.

Поль Сезанн.

Поль Гоген.

Винсент Ван Гог.

Снова и снова повторяю имена, словно я пересчитываю слонов или барашков. Правда, на этот раз это не усыпляет меня. А наоборот, раззадоривает. Хочется встать, пойти поискать информацию. Уже не для работы, а для своих личных целей.

Интересно, что имя Жана Фредерика Базиля всплывает уже после Моне и Ренуара. Тем не менее он вместе с ними стоял у истоков. Но погиб во время Франко-прусской войны, отправившись туда добровольцем.

Эдгар Дега, когда я училась в школе, почему-то ассоциировался у меня с котом Базилио. Он был известен не только своим художественным талантом, но и достаточно резким и своеобразным характером, однако не лишённым обаяния. К старости он ослеп, но не оставил живопись. Кроме танцовщиц, балерин и прачек, Дега рисовал скачки. Он происходил

из довольно знатного рода, поэтому на начальном этапе своего становления как художника не был обременён финансовыми сложностями. В отличие от многих своих собратьев по художественному призванию.

Эдуард Мане. Предтеча импрессионизма. Он любил шокировать публику, привыкшую к вышколенному академизму. Чего стоят его «Завтрак на траве» и «Олимпия», которые, по слухам, пережили даже уколы зонтиками от наиболее впечатлительных зрителей.

Не менее известны сегодня и постимпрессионисты, такие как Поль Сезанн, Винсент Ван Гог, Поль Гоген. Название «постимпрессионисты» они получили после выставки «Мане и постимпрессионизм» в Лондоне в начале XX века.

Как их отличить от импрессионистов? У импрессионистов главное сиюминутное впечатление, в их картинах мгновение – это маленькая жизнь. У постимпрессионистов больше философского постоянства, принимающего разные формы – от горы Сент-Виктуар с картин Поля Сезанна до «Звёздной ночи» Винсента Ван Гога.

Интересно, если я сейчас встану и продолжу свои изыскания, завтра я не буду винить себя в этом? Или буду?

Не сумев удержать себя от искушения, я накинула халат и тихонько пробралась на кухню, стараясь не разбудить спящих дочку и мужа.

На кухне я налила себе стакан воды и стала искать любопытные факты из жизни и творческой деятельности им-

прессионистов. Стоило включить компьютер, как поток мыслей хлынул сам собой, унося меня далеко-далеко за пределы комнаты. Наверное, во Францию конца XIX – начала XX века.

К сожалению, ничего нового я не нашла.

«Повторение – мать учения...» – подумала я про себя, отгоняя мысль, что это только первая половина поговорки, заканчивающейся словами «утешение дураков».

Зато я по свежим следам набросала черновик теста для социальных сетей, конечно, на искусствоведческую тему. Выглядел он следующим образом:

«Вы любите импрессионистов? Хотите проверить свои знания? Два из утверждений ниже – ложь, остальные – правда. Пишите свои версии в комментариях. Правильный ответ можно будет узнать завтра во время онлайн-лекции на моём канале.

1. Клод Моне родился в Париже, но его детство прошло в другом городе. Свой творческий путь он начал, ещё учась в школе, – рисуя карикатуры.

2. Пьер Огюст Ренуар в детстве расписывал посуду, на этом начал хорошо зарабатывать и смог обеспечивать свою семью.

3. Эдгар Дега в молодости преподавал танцы, но из-за серьёзной травмы переквалифицировался в художники.

4. Жан Фредерик Базиль родился в семье винодела, а Клод Моне – в семье лавочника.

5. Эдгар Дега был не только художником, но и скульптором.

6. Название “импрессионизм” художникам дал недовольный критик.

7. “Завтрак гребцов” написал Клод Моне, а “Даму в саду” – Пьер Огюст Ренуар. На выставке их работы перепутали. Настоящие подписи сохранились только с обратной стороны картин.

8. Однажды Клод Моне писал несколько картин одновременно, чтобы уловить изменения света в разное время суток. Он был настоящим фанатиком света, это и нашло отражение в его работах.

9. Жан Фредерик Базиль познакомился с Клодом Моне в мастерской Шарля Глейра, хотя вначале поступал на медицинский факультет. Погиб во время Франко-прусской войны».

Всё, готово! Но пост, думаю, лучше выложить уже завтра утром, чтобы застигнуть своих подписчиков за завтраком. По себе знаю, как для большинства важно с утра проверить социальные сети, чтобы быть в курсе событий. Если опубликовать сейчас – пост увидят единицы. А пост, выложенный в удачное время, – это половина успеха. Как для блога, так и для канала на YouTube. Надо только решить, какую фотографию или картинку к нему подобрать.

С этими мыслями я вышла из кухни, и тут мой взгляд неожиданно упал на дверь кладовки. Что-то в голове щёлк-

нуло (выражаясь фигурально), и мгновенно зажглась лампочка, как это показывают в мультфильмах.

«А ведь это идея! – подумала я. – Главное, завтра найти хорошее освещение».

Глава четвёртая.

Подготовка к онлайн-лекции

Сегодня у меня онлайн-лекция по искусству для галереи и моего блога. Так что день обещает быть напряжённым. И обычно я заранее готовлюсь, потому что подготовка требует времени, а как говорят художники-маринисты, нужно сделать море всего!

Итак, что я для этого делаю.

Во-первых, подбираю наглядный материал – фотографии, которые можно вставить в презентацию для трансляции. Хорошо, что это уже сделано, но это только один пункт.

Во-вторых, я выбираю, что надеть для съёмки видео. И это далеко не последний момент. Нельзя показаться в том же, в чём и в прошлый раз.

В-третьих, я навожу порядок в комнате и убираю всё лишнее (а сюда уже перекочевала гора Машиных игрушек и даже две или три упаковки памперсов).

В-четвёртых, создаю особую атмосферу в комнате, где будет проходить съёмка, превращая её в профессиональную, как мне кажется, студию. Попутно я проверяю приборы – лампы, камеры, штатив и т. д.

И, наконец, пишу полную инструкцию к Маше (что и когда есть, где что найти, когда гулять и прочее) – для мужа

(как же повезло, что он сегодня дома!).

Начало съёмки – в четыре часа ровно. И в это время обычно застать мужа дома практически невозможно, так как он работает детским хирургом и под дверью его кабинета обычно тянутся сразу две очереди – одна очередь из тех, кто пришёл по записи, и, конечно, вторая – из тех, кто без неё. Но так получилось, что поликлиника закрылась на ремонт.

В общем, обычно я готовлюсь, как ремонт в детской поликлинике – то есть капитально. Но есть одно большое жирное «но»! Почему-то вчера я решила, что готовиться так уж тщательно не стоит (хотя в прошлый раз на это всё ушла половина дня), а достаточно будет одного часа перед началом трансляции.

Одного часа, Карл!!! ОДНОГО!

Естественно, я была вся на нервах. Хорошо ещё, что я встала сегодня пораньше и уже успела опубликовать пост, написанный вчера вечером. Кроме того, я уже сфотографировала «Даму в саду». Причём с обеих сторон, чтобы немножко запутать подписчиков. Интересно, многие ли догадаются, что в посте неправда скрывается под пунктами три и семь? Эдгар Дега никогда в своей жизни не преподавал танцы, а Клод Моне и Ренуар не могли перепутать свои картины, тем более на выставке. Правда, Моне однажды (в не лучшие времена) пришлось заложить одну из своих картин, но это совсем другая история...

Итак, начнём подготовку.

Я взяла в комнату большую коробку (для своих, но очевидно лишних вещей) и ящик для Машиных игрушек.

Так-так. Мягкая игрушка, отправляйся в коробку. Это не Машина, а моя. На день рождения подарили – 1 сентября. «Повезло» же родиться в День знаний! Сейчас я даже немного этим горжусь – родилась в День знаний, значит, там, где знания – там и я. Вот, лекции читаю, статьи пишу. Умница, одним словом. А вот в школе было немного обидно. Особенно в сравнении с Лерой, она-то родилась летом!

Блокнот раз, блокнот два, блокнот три – господа, добро пожаловать в коробку! Меня немного раздражает, что я скупаю блокноты, а потом не пишу в них. В каждом блокноте максимум по пять-шесть страниц исписано. И ещё я постоянно ищу свой «идеальный» блокнот. А когда нахожу такой – мне кажется, он слишком красивый, чтобы в нём писать, да ещё и моим ужасным почерком! Так что я больше печатаю. На компьютере или в телефоне.

Машины игрушки. Сколько же их?! А когда надо её отвлечь, возникает ощущение, что их катастрофически мало и ребёнка совершенно нечем занять! Игрушки-зверушки, отправляйтесь в ящик, отдохните немного. Жаль, что мне нельзя отдохнуть вместе с вами.

Интересно, что здесь делает зубная паста? И крем для рук? Однозначно – в коробку. Потом отнесу в ванную комнату. Это тоже в коробку. И эти книги. И журнал. А это Машино – положу в ящик для игрушек.

О, да это же мой браслет на удачу! Надену его на руку. Я собираю подвески из этой серии, а потом цепляю к браслету. У меня уже есть Эйфелева башня, мой знак зодиака, коньки – любимый зимний вид спорта и, наконец, часы, сделанные в стиле Сальвадора Дали. То есть часы, растекающиеся, плавающие на солнце, как на его картинах. Дали писал, что на создание этого образа его вдохновил вид сыра камамбер. М-м-м, камамбер. Это мягкий, жирный и очень вкусный сыр. Однажды художник, увидев расплавившийся деликатес, решил нарисовать такие часы. Их можно увидеть на картине «Постоянство памяти».

Итак, сделано! Коробку и ящик с игрушками можно пока убрать под стол, а на сам стол установить ноутбук, положить конспект лекций и несколько вдохновляющих меня книг по истории искусства. И среди них, конечно же, любимая Паола Волкова – я влюбилась в её «Мост через бездну», ещё когда была студенткой!

А сейчас постараюсь придать «студии» уютный вид с помощью разных мелочей. Перевешу рамки с фотографиями и картинами, соберу и поставлю сухой букет с осенними листьями так, чтобы он вошёл в кадр, и сделаю прочие бесполезные и занимающие кучу времени действия, как сказал бы мой муж.

Неожиданно я поняла, что что-то не так. Прислушалась. Тишина! Я прислушалась снова. А нет, не совсем тишина. Из соседней комнаты доносятся песни из м/ф «Бременские

музыканты». Всё в порядке.

На днях Маша показала на осла, который выступал вместе с остальной компанией Трубадура, и сказала: «Иа-иа». Я обрадовалась и стала привлекать внимание к другим животным. Маша обычно отчётливо говорит: «Ав-ав», но Пёс из Бременских не в счёт. Маша почему-то не считает его за собаку. Видимо, из-за его синего цвета. А может, из-за больших ушей. Не знаю. У детей своя логика. Зато я чуть не прослезилась, когда Маша указала на Принцессу и сказала: «Мама». Правда, потом она сказала «мама» и про Короля, и про самого Трубадура. Я осторожно высказала мнение, что это не «мама», а «папа». Но Маша настаивала на своём. Может быть, потому что у них у всех светлые волосы, как у меня. Даже у Короля – светлый парик. А у папы тёмные волосы. Спасибо, что мамой хотя бы «Иа-иа» не назвала.

Следующим пунктом программы был выбор наряда. В чём меня ещё не видели? Может, надеть бежевый костюм? Это не будет слишком скучно? Тут нужен броский аксессуар. Интересно, можно мой браслет посчитать за таковой?

Всё было почти готово, когда я решила проверить свет. И...

Та-дам! Лампа безвременно вышла из строя, а заменить её нечем. Моя идеальная светодиодная кольцевая лампа! Единственный выход – это позвонить прямо сейчас в ближайшую студию и, если там свободно, нестись туда со всех ног.

Я взяла мобильный телефон. Но в этот момент дверь от-

ворилась, и в комнату вошёл Серёжа с Машей на руках.

– Скажи, во что ты её обычно одеваешь для прогулки?

– Дорогой, там же всё написано, – ответила я, прикидывая, что займёт больше времени – помощь или пошаговое объяснение. – Минуточку.

Я побежала в нашу комнату и стала выкладывать вещи для прогулки на пелёнку, которая в этом случае стелилась на кровать.

– Я всё приготовила! – радостно оповестила я, закончив. – В комнате на пелёнке уже всё лежит.

В то время как муж и Маша вернулись в комнату, я успела позвонить в несколько студий. Но все они оказались заняты. Нехорошее предчувствие закралось в душу. Я сначала опоздаю, а потом начну лекцию без света. Это будет конец. Что же делать? Что же делать...

Можно, конечно, к Лере попроситься, но у неё наверняка беспорядок. И ремонт в придачу. Да и как быть со светом?

– Так что нам одевать для прогулки? – в комнату снова зашёл муж.

– Ну, посмотри. Там же всё лежит.

– Она не спарится, не вспотеет во всей этой амуниции?

– По-моему, не должна, – ответила я, начиная терять терпение.

Вопрос о том, как одеть Машу, – один из «любимых» в нашей семье. Серёже всё время кажется, что я одеваю Машу слишком тепло. Мне так не кажется. И спорить мы можем

от рассвета до заката. До тех пор, пока Маша действительно не вспотеет и её не придётся переодевать. Иногда муж прибегает к своему любимому аргументу «ей будет в этом жарко, это я тебе как врач говорю», но приберегает его «на сладкое». Правда, на это я обычно парирую, что «жар костей не ломит».

На самом деле, это, конечно, ерундовый спор.

Для меня это очевидно. Для спокойной меня, а не опаздывающей, не волнующейся.

– Вы же сможете разобраться? На кровати лежит одежда! А у меня уже совсем не осталось времени!

Муж делает недовольную гримасу и выходит из комнаты. А я пока лихорадочно соображаю, в какую студию ещё можно позвонить. И тут меня осеняет! Через дорогу недавно открыли студию! Правда, неясно, насколько она подойдёт для моих целей, но попытка не пытка! С вновь затеплившейся надеждой я набираю номер студии.

– Добрый день, можно забронировать студию на полтора часа?

– Добрый день. А на какое время?

– Честно говоря, мне нужно самое ближайшее время.

– Это какое?

– Через полчаса у вас будет свободный зал для меня?

– Да, пожалуйста, приезжайте. У нас есть свободный зал как раз на это время. И как раз на полтора-два часа.

«Ответили вежливо – уже успех!» – мысленно порадова-

лась я.

– Прекрасно. А вопрос с освещением у вас можно решить?

– Да. Освещение входит в стоимость.

– Супер, – ответила я, стараясь вспомнить, какая стоимость была указана на сайте. Кажется, 600-1000 рублей в час. Уточню на месте. – Запишите меня, я сейчас подъеду. Наталья Колосова. Диктую телефон...

В этот момент в комнату снова заглянул муж.

– Мне кажется, четыре слоя одежды, – он театрально выдержал паузу, – это уже перебор.

– Как четыре? Там же майка, бадлон и куртка, – подсчитала я, – три всего.

– Там два бадлона.

– Как два? Ты что... – я даже опешила, – не снял тот, что уже был на ней?

– А зачем?

Я хотела ответить, но вовремя перевела взгляд на часы.

– Я ужасно опаздываю. Буду полшестого – в шесть. Не скушайте.

– Когда выходишь?

– Десять минут назад!

В этот момент, как всегда «вовремя», зазвонил телефон. Я посмотрела и мысленно застонала. Это была Лера. Я сильно опаздывала, но не хотела показаться грубой, поэтому минутку посомневалась, принять или отклонить звонок. И в итоге

Лера сама его завершила. Тогда я включила на телефоне режим «не беспокоить» и вздохнула с облегчением.

Конечно, я испытала укол совести, но успокоила себя мыслью, что после лекции окажусь куда более приятным собеседником. И обязательно перезвоню Лере. И в конце концов, сколько раз она сама не брала трубку, когда я ей звонила?! И даже не перезванивала!

Глава пятая. На новом месте

Стоило мне переступить порог студии, как я почувствовала, что с души упал камень. Мне сразу всё понравилось. И своя атмосфера студии, и дружественная администрация, встретившая меня чаем-кофе, как раньше встречали хлебом-солью, и комната для съёмок. Открыв дверь, ведущую в нужный мне зал, я очутилась среди настоящих зелёных джунглей.

Зелёный. Повсюду зелёный!

Зелёные обои. На них – коллаж из фотографий. Если бы вместо фотографий здесь были бы картины, то это можно было бы назвать шпалерной развеской в стиле XVIII века, так как они покрывают всю плоскость стены. Но здесь – фотографии. Сразу видно, что они сняты профессиональным фотографом. Выглядят как работы из журнала National Geographic. Лодка на фоне зелёной воды и проступающих из-за линии горизонта гор. Северное сияние. Колоски пшеницы, колышущиеся на ветру.

Хорошо, что на мне сегодня мой любимый бежевый брючный костюм. Если бы решила надеть тёмно-зелёное платье, потерялась бы на фоне.

Зелёный диван с подушками в виде звёзд приглашает занять своё место в этих джунглях и немного расслабиться. Передо мной плетённый столик, кажется, из ротанга. На нём я

уже разложила книги по искусству и сейчас поставлю ноутбук с презентацией. Считанные минуты до начала. Вдох. Выдох. И лекция началась!

...

– Добрый день. Кажется, к нам присоединились все желающие. Сегодня мы узнаем, как мальчик-карикатурист, прогуливающий уроки в школе и срывающий занятия в художественной мастерской, вырос и стал одним из основателей импрессионизма.

Итак, пробежимся про хронологию жизни этого впечатляющего художника.

Клод Моне родился в 1840 году. Его семья проживала в Париже до 1845 года. В 1845-м семья Моне переезжает в Гавр.

Около 1858-го Моне знакомится с Эженом Буденом. Моне перенимает у него идею писать на природе и вдохновляется ею. Потом Моне не раз будет вспоминать, кто открыл перед ним эту дверь в альтернативную художественную реальность. Идея писать не в студии, а на пленэре (то есть на природе), чтобы иметь возможность писать природу живьём, в то время была новаторской и не слишком популярной. Незадолго до импрессионистов с этой идеей выступили барбизонцы – в 1830 году. Это было за десять лет до рождения Клода Моне.

В 1859 году Клод Моне знакомится с Камилем Писсарро (его картинам будет посвящено отдельное занятие), а в

1861-м проходит военную службу в Алжире. В 1862-м Моне возвращается в Париж, чтобы учиться в художественной мастерской Шарля Глейра. Там он знакомится с Пьером Огюстом Ренуаром, Альфредом Сислеем и Жаном Базилем – будущими художниками-импрессионистами. Уже в 1864 году он покидает студию своего учителя, поняв, что идёт вразрез с идеями преподаваемого там академизма. В 1865-м Клод Моне знакомится со своей будущей женой – Камиллой Донсье.

В отличие от своего друга Базиля, Клод Моне не стремится принять участие в Франко-прусской войне. Это время он переживает в Лондоне, изучая творчество английских художников.

В 1874 году состоялась первая выставка импрессионистов. Всего выставок будет восемь.

Париж и парижане не являются центральной темой произведений для Клода Моне, в отличие от Эдуарда Мане. Его больше привлекает пейзаж загородных мест, таких как Аржантёй и Живерни (Моне переезжает туда в 1883 году – через четыре года после смерти Камиллы). Или наоборот – вокзалы и поезда Парижа и Лондона, технический прогресс, проступающий сквозь дымку будущего.

В 1892 году Моне женится на Алисе Гошед, а с 1899-го пишет в новой манере полотна с изображением пруда, сосредоточившись на передаче своих впечатлений с помощью особенно ярких красок. В 1908-м появляются проблемы со

зрением. Благодаря успешной операции, на которую художник соглашается только в 1923 году, Моне продолжает рисовать. В 1926-м Клод Моне умирает в возрасте 86 лет, достигнув известности, богатства и славы.

Спасибо всем, кто виртуально был сегодня с нами. Надеюсь, вам понравилась сегодняшняя лекция. Ответы на викторину – три и семь. На следующей неделе поговорим о Пьере Огюсте Ренуаре! Надеюсь возобновить наши встречи офлайн – на этот раз в студии-мастерской, где мы будем расписывать тарелки и, конечно, говорить о Ренуаре. До скорых встреч!

Я закончила лекцию и с чувством удовлетворения захлопнула крышку ноутбука.

«Интересно, как там Серёжа? Справляется?» – промелькнуло в голове.

В этот момент как раз зазвонил телефон.

– Алло, – в трубке послышался весёлый голос мужа.

– Привет, как вы там?

– Вернулись с прогулки. Маша ещё спит, а я... столько всего нам на завтра запланировал!

– М-м-м, и что же?

– Мы идём в парк на пикник! С сюрпризом!

– А что за сюрприз?

– Это сюрприз!

– Хочешь сохранить интригу?

– Ага!

– Ну, пока, до встречи дома!

– Пока!

Звонок мужа ещё повысил настроение. Правда, выходит, что придётся перенести запланированную генеральную уборку. Но чего не сделаешь ради пикника и парка? И тут я вспомнила про пропущенный звонок от Леры.

– Алло, Лера? Ты звонила? У меня была лекция...

– Привет-привет, занятой человек. Хотела завтра забрать картину днём.

– Завтра? А как насчёт сегодня? Через полчаса не хочешь заскочить? Или позже.

– Боюсь, сегодня не успею. Давай завтра?

– Мы завтра собрались на пикник, не знаю, когда вернёмся, – сказала я честно. Не хотелось в выходной остаться из-за этого дома и прождать Леру впустую весь день.

– Так оставь мне ключи!

– Эм... ну, я...

– Что, не доверяешь? – со смехом переспросила Лера. – Мы вроде почти всю жизнь знакомы.

Мне захотелось ответить, что именно поэтому мне бы и не хотелось этого делать. Но я сдержалась.

– Ну что ты, доверяю, конечно... – я поняла, Лера хочет взять меня на слабо. Но я попыталась избежать «ловушки», – просто нужно с Серёжей посоветоваться. Ключи и замки в нашем доме – это его прерогатива, – перевела стрелки я.

– Ну, окей, – я представила, как Лера пожимает плеча-

ми, для неё дать ключи – пустячок, безделушка. – Перезвони мне, когда решите ключевой вопрос на семейном совете.

– Конечно, – ответила я, делая вид, что не заметила шпильки в её словах. – Пока.

– Бай. И передавай привет ключнику вашей крепости, – съязвила Лера напоследок.

Я задумалась. Назревала мелкая ссора с подругой, однако грозящая испортить настроение на целые выходные. С другой стороны, дать ключи человеку, по своей натуре слишком открытому и потому часто не слишком аккуратному и осторожному, было бы весьма опрометчиво.

Я снова набрала номер телефона мужа и изложила свою проблему.

– И всё? – на удивление миролюбиво спросил Сергей. – Это так тебя волнует?

– Ну, как бы... да.

– Просто не давай ей ключи, и всё. Объясни, и она поймёт.

– Легко сказать. Не поймёт она ничего. Когда я была на восьмом... или даже на девятом месяце, Лера пригласила меня поехать покататься на горных лыжах или на коньках.

– Я понял. Тогда дай ей ключи.

– Тоже не могу. У нас Маша. Это может быть небезопасно. Придётся менять все замки.

– Хорошо, помнишь, мы хотели поменять нижний замок? Он изнутри стал плохо закрываться. Давай завтра закроем дверь на него. И только от него ключ и дадим Лере.

– О, просто гениально! А думаешь, этого будет достаточно?

– Никто не знает наверняка. Но этот план – лучшее, что я могу тебе предложить.

– Спасибо.

– Кстати, а почему она не может забрать картину в другой день?

– Точно! А я ведь забыла у неё про это спросить. Она стала брать меня на слабо.

– Брать на слабо? Вы что, только из начальной школы? Ладно, шучу. Но лучше расспроси её об этом.

Слова мужа показались мне логичными. Я перезвонила подруге и сказала, что мы можем дать ей ключ.

– А почему ты не можешь в другой день зайти к нам? – спросила я Леру как бы между прочим, после того как обрадовала её.

– Всё просто. Потому что завтра вечером я уезжаю.

– Куда это?

– На пленэр!

– На пленэр?

– Ну, да. Наш художественный кружок организует вылазку для приобщения к прекрасному.

– И сколько это приобщение продлится?

– Да кто нас знает. Мы планировали всего на пару дней. Но вдруг всё растянется на неделю, а то и на месяц? А с коллекционером я уже договорилась. Передоговариваться не

люблю. Ты знаешь.

– Знаю, – подтвердила я.

На этом наш разговор завершился. А я задумалась.

Мы дружим с Лерой со школы. Она всегда была очень свobodолюбива. На словах. С родителями у неё отношения не складывались. Она должна была отчитываться о своих действиях. Каждый день. Но они редко знали её расписание занятий, или что она пошла не в музыкальную школу, а с друзьями в кино. При этом у Леры были высокие установки. Она верила, что добьётся успеха и очень сильно разбогатеет. Вначале Лера пробовала себя в быти-сфере. Она даже открыла салон красоты, стала преуспевать. Потом второй салон. Потом замахнулась на сеть салонов и... прогорела. К этому времени сама идея с салоном ей успела наскучить. Она уже больше не отдавала всю себя делу, не посещала лекции по бизнесу, не штудировала книги и так не вдохновляла персонал, как в начале своей деятельности. Приблизительно в этот период она увлеклась живописью. Рисовала Лера со школы неплохо, но её стиль не понимали родители и учителя. Он напоминал что-то среднее между экспрессионизмом и постимпрессионизмом. В живописи ближе всего ей был Винсент Ван Гог. Яркие полотна она создавала, почти не смешивая краски, пейзажи и натюрморты демонстрировали свежесть взгляда и лёгкость восприятия, но им всегда как будто не хватало завершенности. Каждому полотну недоставало лишнего мазка или штриха. В этом и был стиль Леры. Не только

в художественном плане, но и по жизни...

С этими мыслями я заспешила домой.

На следующий день мы встали полдесятого. То есть позже обычного времени. Зато все выспались. Из дома вышли ещё через час. Картину я положила на диван в гостиной, рядом книгу Дэна Брауна «Инферно», которую брала у Леры почитать. Ключ, по нашей последней договорённости, я спрятала в конверте под ковриком у входа. И, полная приятных надежд, вышла из дома, сопровождаемая мужем, катившим колясочку с Машей.

– И какой же сюрприз меня ждёт? – спросила я мужа шёпотом (потому что Маша уже заснула), когда мы подходили к парку.

– Посмотри направо, – ответил муж, – что ты видишь?

– Торговый центр, ну и что?

– У тебя есть час.

– Что? – моё сердце забилось чаще. – Что ты сейчас сказал? Можешь повторить? А я пока ущипну себя. Надеюсь, я не проснусь...

– А что я такого сказал? – удивился муж. – Могу и повторить. Сходи развейся. Маша спит. И ещё час проспит. Надеюсь. А потом мы и наши бутерброды будем тебя ждать.

Я чмокнула мужа в щёку и поспешила в сторону торгового центра, куда не заходила уже целых два года.

Глава шестая.

Таинственное исчезновение

Как же я скучала по этой атмосфере торговых центров, где море бутиков, людей, кафешек и рекламных листовок! Как будто это пятая стихия. Моя стихия! И это клетчатое пальто явно её часть, беру! Тем более что муж, прежде чем отпустить меня в свободное плавание, снабдил своей банковской картой. Надо будет ещё зайти в обувной магазин, поискать более изящную замену моим вездеходам с большой буквы.

В итоге в торговом центре я купила себе новое пальто, туфли на небольшом каблуке, стильную, но не маркую толстовку и яркий осенний шарф. Первая покупка вещей для себя офлайн. До этого целый год отоваривалась по интернету. Ещё купила тёплый костюм для Маши. И нам с мужем – кофе навынос, чтобы запить бутерброды. Конечно, в один час я не уложились. К счастью, когда я вернулась, Маша ещё спала. Серёжа обрадовался кофе. К слову, дома у нас есть термос для таких случаев, но мы (как это часто с нами бывает) забыли его дома.

Таким образом, ожидание приятного выходного полностью себя оправдало. По крайней мере, до середины дня. В то время как мы возвращались из парка, в голове звучала приятная музыка – обрывки песен, услышанных в торговом

центре, хотя обычно я и ворчу на ту музыку, что там транслируют. Но я тщетно пыталась припомнить слова хоть одной из этих песен. Только отдельные слова и фразы путались и смешивались в голове. Как со мной иногда раньше бывало после посещения концерта с очень громкой музыкой. Наше первое свидание с Сергеем тоже проходило на концерте какой-то рок-группы. Помню, что я была не в восторге от их выступления, было очень шумно. Да и не пообщаешься толком. В перерыве мы натолкнулись на Ренату, тоже пришедшую на концерт. В одной руке она держала маленький букетик, а в другой элегантную сумку. Видимо, ручка этой элегантной сумки была раньше на цепочке, но сломалась. Или у неё вовсе не было ручки. Но Ренате всё время приходилось держать её в руках. По какой-то причине подруга волновалась и вследствие этого всё время меняла сумочку и букет местами, перекладывая их из одной руки в другую. В какой-то момент кто-то выдернул из рук подруги букет (перепутав его с сумочкой) и бросился бежать. Симпатичный молодой человек с тёмно-русыми волосами, уже давно бросавший на Ренату восхищённые взгляды, бросился ей на выручку. И в два счёта нагнал незадачливого воришку. Он потянулся за «украденной сумочкой» и в недоумении уставился на букет. Воришка тоже несколько опешил. Он пришёл в себя, только когда за его спиной выросла Рената и изо всех сил треснула его этой самой сумочкой. Кто бы мог подумать, но воришка оказался родственником одного из выступавших

музыкантов. Через некоторое время Ренату и спасителя её букета попросили покинуть концерт. Конечно, мы с Сергеем последовали за ними, и наше скромное свидание превратилось в двойное свидание. Мы продолжили его в уютном кафе. И молодой человек (его звали Лёшей) очень быстро влился в нашу компанию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.